

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

**К истории изображений креста и
распятия**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1868. № 11. С. 733-765.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010*

КЪ ИСТОРИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ КРЕСТА И РАСПЯТИЯ (*).

I.

Все, имѣющее близкое отношеніе къ Христу Спасителю, было свято и досгочтимо для христіанъ. Отсюда благочестивое стремленіе видѣть святыхъ мѣста, гдѣ Господь ходилъ, страдалъ, воскресъ и вознесся на небо, посмотреть пещеру, въ которой Онъ родился, рѣку, въ которой крестился, гору, на которой преобразился, гробъ, въ которомъ былъ положенъ.

Но особенно дорогъ и священъ былъ для всѣхъ христіанъ и во всѣ вѣка честный крестъ, этотъ жертвенный алтарь, на которомъ Господь принесъ жизнь Свою за животъ міра. Вотъ почему слово крестное составляло главное содержаніе апостольской проповѣди (1 Кор. 1, 17 18. 23. Галат. 6, 14); вотъ почему апостолъ хвалится тѣмъ, что онъ преднаписалъ предъ взорами галатовъ Иисуса Христа распятаго (Гал. 3, 1). Вотъ почему св. Златоустъ приходилъ въ восторгъ, говоря о крестѣ: „крестъ-наша слава, главизна и начало блажен-

(*) Изъ Katholik 1867, Februar, Mrz, April.

ства, свобода и вѣнецъ. Крестъ обратилъ и исцѣлилъ всю землю: онъ истребилъ заблужденіе, возстановилъ истину, превратилъ землю въ небо, людей содѣжалъ ангелами: этотъ крестъ сдѣлалъ демоновъ не страшными, а презрѣнными для людей (¹).“

Поэтому нѣть ничего удивительного въ томъ, что христіане повсюду желали видѣть и при всякомъ удобномъ случаѣ употреблять изображеніе креста, какъ священнѣйшее напоминаніе о дарованномъ чрезъ него спасеніи и жизни во Христѣ. Это изображеніе такъ же удобно было воспроизводить посредствомъ движенія руки (крестное знаменіе), какъ и посредствомъ пера, кисти, рѣзца (изображеніе креста). Уже въ періодѣ, не посредственно слѣдовавшій за апостольскимъ, какъ это несомнѣнно извѣстно, старались сопровождать всякое богослужебное и другое дѣйствіе, церковныя благословенія и освященія, равно какъ и обыденныя занятія крестнымъ знаменіемъ. Тертулліанъ въ половинѣ III вѣка писалъ: „при всякомъ успѣхѣ и удачѣ, при всякомъ входѣ и выходѣ, при одѣваніи и обуваніи, при омовеніи, приступая къ трапезѣ, возжигая свѣтильники, ложась спать, садясь за какое либо занятіе, мы ограждаемъ свое чело крестнымъ знаменіемъ (²)“. Крестное знаменіе должноствовало освящать всю христіанскую жизнь. И не только чело, но и уста, грудь, очи, одежды и другія вещи, употреблявшіяся въ общежитіи, освѣняли крестнымъ знаменіемъ, по свидѣтельству св. Кипріана и Кирилла Іерусалимскаго.

Этого мало. Христіане хотѣли имѣть предъ своими

(¹) Chrysost. Hom. 55, in Matth.

(²) De coron. milit. 3.

глазами и изображеніе этого знаменія своего спасенія. Поэтому начертывали изображеніе креста на домашней утвари, на рукодѣльяхъ, на книгахъ и пр. По свидѣтельству Тертулліана (¹), въ его время былъ уже въ употребленіи простой, начертанный, или красками изображеній крестъ, и считался „выразительнымъ знакомъ Иисуспителя, не смотря на то, что не имѣлъ никакихъ другихъ уврашений, ни головы, ни фигуры“.

За это почитаніе креста нашихъ предковъ—первобытныхъ христіанъ—не рѣдко называли въ насмѣшку ихъ языческие современники *religiosi crucis, crucicolaes* (крестопоклонники). И Тертулліанъ, равно какъ и Минуцій Феликсъ счиgали нужнымъ защищать своихъ единовѣрцевъ отъ этого упрека. Первый на упрекъ язычниковъ—будто христіане молятся кресту, какъ Богу, отвѣчаетъ съ юдкой ироніей: „если мы молимся кресту, то и вы виновны вмѣстѣ съ нами... Различіе въ формѣ не важно, когда материа одна и та же. Въ самомъ дѣлѣ какое различіе (со стороны матери) между крестомъ и Аѳеной—Полладой, если они будутъ сдѣланы изъ одного и того же куска дерева (²)?“ На упрекъ язычника Цецилія, что христіане молятся по зорному дереву крестному, христіанинъ Октаvій отвѣчаетъ: „нѣть, мы не молимся кресту таlъ, какъ вы молитесь своимъ деревяннымъ богамъ (³)“.

Послѣ всего сказанного, невозможно уже сомнѣваться въ томъ, что христіане съ первыхъ же вѣковъ дѣлали изображеніе креста на лампахъ, на книгахъ, на перстняхъ и на другихъ предметахъ, которые легко

(¹) *Apolog.* 16.

(²) *Apolog.* 16.

(³) *Minuc. Felix ed. Nourry t. 2. p. 150.*

было переносить съ мѣста на мѣсто и прятать отъ профамаціи со стороны язычниковъ. Г. Шерре (¹) перечисляетъ нѣсколько такихъ предметовъ, на которыхъ встрѣчаются изображенія креста, и которые несомнѣнно относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ. Сами Магдебургскіе центуріаторы соглашаются съ тѣмъ, что во временамъ Тертулліана изображенія креста были уже въ значительномъ употребленіи (²).

Дѣйствительно изображенія креста были въ употребленіи, но христіане остерегались показывать ихъ язычникамъ; они знали, какъ жестоко позорили язычники святѣйшія христіанскія таинства, и въ частности какъ злоупотребляли крестомъ для посмѣянія христіанской вѣры. Мы ограничимся указаніемъ на карикатуру Распятія съ ослиною головою, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ открытую въ Римѣ.

При раскопкахъ на Палатинскомъ холмѣ открыта была комната, гдѣ жили пажи, служившіе при императорскомъ дворѣ, и на стѣнѣ этой комнаты—замѣчательное изображеніе, представлявшее карикатуру Распятаго Спасителя. На крестѣ, имѣвшемъ форму Т представлена человѣческая фигура, почти совершенно одѣтая, съ ослиной головой. Рядомъ изображена другая фигура, тоже одѣтая, въ молитвенномъ положеніи, съ воздѣтыми вверхъ руками. Наскоро нацарапанная греческая надпись гласитъ: Αλεξაνδρος τε βετε (вместо σεβεται) θεον т. е. Александръ молится своему богу. По фигурѣ и надписи можно заключать, что какой нибудь пажъ—язычникъ временъ гоненій на христіанъ—думалъ осмѣять своего товарища—христіанина Александра. И дѣй-

(¹) Catacombes tom. IV. p. XVI.

(²) Centur. t. III. p. 16.

ствительно, изъ сочиненій Тертулліана и Міауція Феликса видно, что кромѣ упрековъ въ „крестопоклонствѣ“ язычники упрекали христіанъ и въ почитаній ослиной головы (¹). Подобныя же карикатуры найдены недавно и при раскопкахъ Помпей.

Скрывать священнѣйшее изображеніе креста заставляло христіанъ столько же набожное благоговѣніе предъ нимъ, сколько и мудрая предусмотрительность. Здѣсь заключается первая причина, почему мы не такъ часто встрѣчаемъ собственно изображенія креста въ первые три вѣка. Но къ этой причинѣ присоединилась и другая не менѣе уважительная. Смертная казнь чрезъ повѣшеніе на крестѣ считалась у древнихъ образованыхъ народовъ самою отвратительную, самою позорною и бесчестною (²). „Отвратительное, позорное“ дерево крестное пробуждало ужасъ въ язычникахъ. Церковь должна была принимать въ соображеніе это чувство. Въ этомъ заключается вторая причина, почему мы мало встрѣчаемъ изображеній креста на общественныхъ памятникахъ христіянства первыхъ трехъ вѣковъ, и даже въ самыхъ катакомбахъ.

Вотъ почему христіане охотнѣе обращались къ библейскимъ образамъ этого драгоцѣннаго первообраза искупительной смерти Іисуса Христа, къ умерщвлению Авеля, къ жертвоприношенію Ісаака, къ мѣдному змію, вознесенному на крестъ, къ Моусею, молящемуся съ распростертыми руками, къ препиленому Ісаии, къ многострадальному Іову, къ пасхальному

(¹) *Somniastis, caput asinum esse deum nostrum.* Tertull. ad Natien. lib. I. c. II.; *Apolog.* c. 16.

(²) *Servile, crudelissimum, teterrimum, extremum, damnatissimum, ignominiosissimum supplicium.*

агицу и пр. Но еще охотнѣе прибѣгали они къ прикровеннымъ изображеніямъ креста. Такими знаками *disciplinae arganii* (¹) служили якорь съ крестомъ и косой крестъ (греческое X), который служилъ одновременно и символомъ Христа и символомъ св. Креста. Этотъ второй символъ *arganii* приводитъ насъ къ другому—наполовину образу, наполовину буквѣ,—именно къ знаменитой монограммѣ. Къ греческому X около второй половины II-го вѣка стали присоединять еще I, такъ что I приходились въ срединѣ. Эта монограмма означала Ἰησοῦς Χριστός (²). Позднѣе вместо I начали ставить вторую букву имени Христосъ, именно P. Это была знаменитая Константиновская монограмма, явившаяся императору Константина Великому въ лучезарныхъ лучахъ на небѣ. Ею чувственно изображался крестъ и Христосъ, или Христосъ на крестѣ. Когда на Никейскомъ соборѣ 325 года было единогласно отвергнуто заблужденіе Ария и его послѣдователей, тогда начали прибавлять къ ней еще большую частію *α* и *ω*, иногда въ трехъугольникѣ, иногда просто. Это должно было служить выраженіемъ вѣчности и единосущія Сына Божія съ Богомъ Отцемъ (Ср. Апокал. 22, 13 и 1, 8).

По принятія христіанства Константиномъ, эта монограмма, изображавшая одновременно и святѣйшее имя Христа и Его крестъ, извлечена была изъ мрака какакомбѣ и другихъ потаенныхъ убѣжищъ христіанства, и торжественно перенесена на государственные знаме-

(¹) Подъ именемъ *disciplina arganii* разумѣются тѣ предметы вѣры и богослуженія, которые первенствующіе христіане хранили вътайне какъ отъ язычниковъ и іудеевъ, такъ и отъ оглашенныхъ.—*Пер.*

(²) Rossi, *Inscriptions* p. 16, n. 10.

на, надгробные памятники, монеты, храмы и алтари, хотя все еще продолжали почитать ее, какъ прикровен-
ный крестъ. Въ знаменіе мирной побѣды креста и
покорившей міръ силы христіанства стали обводить ее
кругомъ. Но уже вслѣдъ затмъ, какъ Константина и
его сыновья уничтожили крестную казнь, изображеніе
креста потеряло то, что имѣло ненавистнаго и отврати-
тельнаго, и къ Константиновской монограммѣ стали
присоединять поперечную черту, чрезъ что фигура кре-
ста сдѣлалась еще яснѣе и опредѣленнѣе. Это случи-
лось около 350 г. (¹). Попытка Юліана воскресить от-
жившее свой вѣкъ язычество не имѣла никакого успѣ-
ха; при христіанскихъ преемникахъ Юліана и остатки
язычниковъ постепенно перешли въ церковь. А такъ
какъ вмѣстѣ съ тѣмъ прежнія соображенія теряли уже
всякую силу, то и не представлялось уже болѣе никакъ
затрудненій къ тому, чтобы постепенно разобла-
чать болѣе и болѣе символъ *arcani* и представлять
благодарнымъ взорамъ обращеннаго міра настоящую
форму креста болѣе осозательнымъ образомъ. Посему
послѣдняя упомянутая нами монограмма во второй по-
ловинѣ IV в. должна была уступить свое мѣстѣ другой,
въ которой благодаря опущенію X идержанію попе-
речной черты на букву P, фигура креста обозначи-
лась замѣтнѣе. Первая монограмма въ этомъ родѣ от-
носится къ 355 г. (²). Наконецъ когда христіанство,
особенно со временемъ Феодосія Великаго († 395), про-
никло въ законы и учрежденія, въ домашнюю и обще-

(¹) Rossi, *Inscript.* p. 64, n. 101.

(²) Rossi, *Inscript.* n. 121. Le Blant, *Inscriptiones chrétiennes de la Saule* 1, p. XIV.

ственную жизнь, все покровы испадаютъ и крестъ является уже прямо безъ всякихъ прикрытій.

Поэтому въ началѣ V в. мы встречаемъ на очень многихъ общественныхъ памятникахъ изображеніе креста въ действительной формѣ, безъ всякихъ символическихъ покрововъ. Между тѣмъ въ то же время мы не видимъ еще изображенія Распятаго на крестѣ, не находимъ Распятія.

Переходя къ изображеніямъ креста настоящаго, не прикованнаго, мы можемъ принять въ соображеніе, только двѣ его формы—именно сихъ commissa и сихъ immissa. Третья форма—сихъ decussata—представляетъ не столько простой крестъ, только символъ агсані. Сихъ decussata, иначе—косой, состоящей изъ двухъ, наискося одна къ другой положенныхъ перекладинъ, называется бургундскимъ и Андреевскимъ, такъ какъ, по предавію, на такомъ крестѣ распятъ былъ св. апостолъ Андрей первозванный. Впрочемъ почти всѣ новѣйшіе археологи считаютъ сихъ decussata за условный только знакъ, подъ которымъ прикованно представлялся крестъ. Иеронимъ и Исидоръ Севильскій свидѣльствуютъ, что церковь видѣла въ греческой буквѣ Х образъ креста. А такъ какъ этой же буквой начиналась и имя Христъ, то буква Х служила столько же священнымъ символомъ для имени Христа, сколько и для Его креста (¹).

Такимъ образомъ нашему разсмотрѣнію подлежать

(¹) То же самое говорить св. Павлинъ Ноланскій въ слѣд. стихѣ:

Nunc eadem crux dissimili compacta paratu,
Eloquitur Dominum tanquam monogrammate Christum.
(Paulin. Natal. XI. S. Felicis r. 612 sq. in Muratori Anecd.
1, p. 42).

только двѣ формы настоящаго, неприковенного креста, именно—сих *commissa* и сих *immissa*. Сих *commissa*, или иначе составной, или соединенный, состоитъ изъ двухъ брусовъ, изъ которыхъ поперечный накладывается на продольный, утверждаемый вертикально къ землѣ, такъ, что оба вмѣстѣ представляютъ собою фигуру греческой и латинской буквы Т. Такъ описываетъ этотъ крестъ св. Варнава: „Въ одной буквѣ Т ты имѣешь крестъ“⁽¹⁾; и Тертулліанъ: „греческая буква Tau, а наша (латинская) Т есть образъ креста⁽²⁾“. Эта форма креста извѣстна подъ именемъ креста—тау, или Египетскаго. Послѣднее наименованіе дано ему по причинѣ его сходства съ египетскимъ крестомъ, надъ поперечной балкой котораго Т прикрѣплялась еще ручка или ушко. Онъ называется также разбойничий, или Антоніевский, такъ какъ преподобный Антоній египетскій носилъ такой крестъ на своемъ платьѣ, на которомъ онъ былъ нашитъ.

Что касается второй формы креста, именно сих *immissa*, или *capitata*, т. е. креста вставного, то короткая поперечная балка его вставляется въ продольную такъ, что верхушка продольной балки выдается надъ поперечной. Эта форма креста подраздѣляется на такъ называемую греческую, или квадратную, въ которой поперечная балка бываетъ равна продольной и такимъ образомъ крестъ получаетъ видъ +, и на латинскую, у которой продольная балка бываетъ вдвое длиннѣе поперечной, такъ что крестъ получаетъ форму †. Латинской крестъ подраздѣляется въ свою очередь на патрі-

(1) Ep. c. g. ed. Reithmayr p. 149.

(2) Advers. Marcion. lib. III. c. 22.

аршій или архієпископскій и на папскій, — въ первомъ случаѣ число роговъ удвоется, во второмъ утрояется. По мнѣнию извѣстившихъ археологовъ, специфически-греческій крестъ есть не что иное, какъ патріаршій крестъ съ удвоенными поперечными балками (¹). По словамъ кардинала Борджія (²), греческій патріаршій крестъ впервые встрѣчается на монетахъ Льва Исавриана, относящихся къ началу VIII в. Обыкновенный такъ называемый греческій крестъ, состоящий изъ равномѣрныхъ балокъ, столь же часто встрѣчается на западѣ, какъ и на востокѣ. Особый видъ креста составляетъ еще русскій крестъ; это — тотъ же греческій патріаршій крестъ, только съ цѣпями, опускающимися съ поперечныхъ балокъ (³).

Трудно решить, которая изъ разсмотрѣнныхъ нами формъ представляетъ форму дѣйствительного креста, на которомъ былъ распятъ Господь. Правда, некоторые извѣстные археологи утверждаютъ, что будто бы *насѣрное* можно сказать, что Иисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, имѣющемъ форму Т; но противъ этого увѣренія можно сдѣлать нѣсколько основательныхъ возражений. Кромѣ изрѣченій отцевъ церкви, которые сравниваютъ крестъ то съ летящей птицей (⁴), то съ

(¹) Odorici, *Antichit  di Brescia* 1, p. 61. Didron, *Annales arch ologiques* V, p. 322.

(²) *De cruce Vatic.* p. 9. 127.

(³) Цѣпи, о которыхъ говорить здѣсь авторъ, не составляютъ необходимой принадлежности крестовъ въ нашемъ отечествѣ и употребляются лишь для вышеизлагаемого укрѣпленія крестовъ, водруженыхъ на возвышенностихъ, какъ-то на главахъ храмовъ, колоколенъ и пр. и потому едва ли справедливо видѣть въ крестахъ съ такими цѣпями особый видъ.

Перев.

(⁴) Hieron. in Marc. c. 11.

плавающимъ человѣкомъ (¹), то съ Моисеемъ, распостершимъ руки на молитву (²).—всѣ эти сравненія примѣнимы только къ сихъ *immissa*,—до насъ дошли такія выраженія церковныхъ писателей, которыхъ совершенно ясно говорятъ о четырехъ концахъ креста. Такія выраженія встрѣчаются у св. Ирина (³), Седулія (⁴) и св. Иоанна Дамаскина (⁵). Другія мѣста, свидѣтельствующія, что Христосъ пострадалъ на сихъ *immissa*, собраны у Гретцера (⁶) и Липсія (⁷). Яснѣе же и опредѣленіе всѣхъ высказывается обѣ этомъ бд. Августинъ. Онъ пишеть: „была широта, въ которую простерты были руки, длина, поднимающаяся отъ земли, на которой пригвождено было тѣло, высота, выдававшаяся вверхъ надъ поперечной балкою (*ligno*) (⁸). Въ этихъ словахъ совершенно ясно упоминается кромѣ продольной и поперечной балки еще и о верхней небольшой балкѣ.

Если же, съ другой стороны, Тертуліанъ (⁹), Йеронимъ (¹⁰) и Исidorъ (¹¹) сравниваютъ крестъ Христовъ съ буквою тау; то во-первыхъ эти изреченія не ослабляютъ силы другихъ болѣе многочисленныхъ изреченій отцовъ церкви, и во-вторыхъ всѣ три поименованные отцы церкви сравниваютъ крестъ съ буквою тау въ связи

(¹) *Tertull. de orat.* c. 23.

(²) *Iustin. Dialog.* c. *Tryphon*. c. 90. *Minut. Felix, Octav.* c. 29.

(³) *Advers. haeres.* lib II, c. 24.

(⁴) *Carmin. Pasch.* v. 190.

(⁵) *De fide Orthod.* lib. IV, c. 2.

(⁶) *De sancta cruce* lib. I, c. 3.

(⁷) *De cruce* lib. I, c. 10.

(⁸) *Ennar. in Psalm.* 130. cf. *Epist.* 120; *Tract. in Ioan.* 118.

(⁹) *Adv. Marcion.* lib. III, c. 22.

(¹⁰) *In Ezech.* c. 9.

(¹¹) *De voc. gent.*

съ известнымъ мѣстомъ у Езекіїля: „И сказалъ Господь ему: пройди посреди града Іерусалима и изобрази тау на лицахъ мужей стянящихъ и болѣзнующихъ о всѣхъ беззаконіяхъ, совершающихъ среди ихъ (Езек. 9, 4)“.

Правда, разматривая древнійшія иносказательныя изображенія креста, мы встрѣчаемъ иногда сухіхъ *immissa* на памятникахъ до IV в. (¹). Но древнійшее изображеніе, находящееся на одномъ стеклянномъ сосудѣ, представляетъ христіанина съ сухихъ *immissa*, имѣющимъ форму + и изображенными у него на члѣвѣ (²). Равнымъ образомъ сухихъ *immissa* находится не только на гробницахъ св. Домитиллы и еще одномъ надгробномъ памятнике, восходящемъ раньше IV в., но и на двухъ печатахъ, восходящихъ раньше V в.

Все это не позволяетъ намъ принять за *дѣло решенное*, что Іисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, имѣвшемъ форму тау.

Но чѣмъ рѣже встрѣчаемъ мы на памятникахъ крестъ во все время соблюденія *disciplinae arcani*, тѣмъ чаще попадается онъ съ V в. Свидѣтелемъ служитъ св. Златоустъ, который въ своей бесѣдѣ о Божествѣ Христовомъ говоритъ: „Крестъ находится повсюду, въ домахъ, на площадяхъ, въ пустыняхъ, на дорогахъ, на холмахъ и горахъ, на корабляхъ и островахъ, на одрахъ и оружіяхъ, въ брачныхъ чертогахъ, на золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, на стѣнахъ. Ибо мы не стыдимся креста, напротивъ онъ намъ дорогъ и достолюбезенъ всюду, гдѣ только можетъ быть изображенъ“.

Уже въ V в. стали помышлять крестъ *въ началѣ дип-*

(¹) Rossi, *Bulletino cristiano*. 1863, p. 35 et 28.

(²) Boldetti, *Cimiteri di Roma* p. 60; Botturi, *Sculture e pitture sagre estratte dei cimiteri di Roma I*, p. 80, 83; II, 125.

ломовъ и другихъ письменныхъ документовъ вмѣсто призываанія имени Божія. Равнымъ образомъ предъ именемъ подпись въ общественныхъ документахъ ставили крестъ. Отсюда ведегъ свое начало обычай христіанскихъ епископовъ ставить крестъ предъ своимъ именемъ и писателей ставить три креста вмѣсто своего имени. Обычай подписывать крестъ вмѣсто имени суще *subscribere* встречается уже въ VI в. Такая подпись должна была служить знакомъ вѣрности и напоминаніемъ объ ией. Кто нарушалъ договоръ, подписанный крестомъ, тому назначалось двойное наказаніе. Далѣе надъ рецептами христіанскихъ врачей съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней ставится крестъ въ единственномъ или тройственномъ числѣ. Наконецъ повсюду ставятъ кресты на могилахъ; почему знакъ креста † обыкновенно употребляется и для обозначенія кончины.

II.

Переходъ отъ изображеній простаго креста къ изображеніямъ креста съ распятіемъ, или распятія, составляетъ главнымъ образомъ изображеніе агнца.

Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ для нашего искупленія. Существенный же характеръ Испупителя есть характеръ жертвы. Агнецъ былъ самою раннею кровью жертвою (Бытія 4, 4; Исх. 12, 3). Посему если пророки называютъ Мессію Агнцемъ; то употребляютъ самый естественный Его символъ (Исаія 16, 1). И не въ вѣтхомъ только, но и въ новомъ завѣтѣ Испупитель называется Агнцемъ. Такъ св. Петръ пишетъ: *искупленіи кровію яко Агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Петр. 1, 19; ср. Апокл. 13, 8). И предтеча Христовъ ука-

зыаль на Него сими словами: *се Агнецъ Божій, вземлій ірпхи міра.*

Это наименование перешло въ языкъ отцевъ и въ языкъ церкви, равно какъ и въ образныя представлениа. Посему Иисусъ Христосъ очень часто представлялся подъ образомъ Агнца. На одномъ саркофагѣ ватиканской усыпальницы Агнецъ Божій изображается стоящимъ между другими двѣнадцатью агнцами (изображающими апостоловъ) ⁽¹⁾. На одномъ скульптурномъ изображеніи, относящемся къ IV в., и имѣющемъ своимъ предметомъ крещеніе Господне, крещающейся Господь представляется въ видѣ агнца, между тѣмъ какъ Духъ св. въ видѣ парящаго надъ нимъ голубя ⁽²⁾. Иногда Агнецъ съ сияніемъ или монограммою надъ головою представляется стоящимъ на горѣ, изъ которой стремятся четыре потока (символъ четырехъ евангелій). Два оленя (чувственный образъ человѣчества, жаждущаго спасенія, согласно 51, 1 Исаім.) подходятъ къ горѣ и пьютъ изъ ея потоковъ ⁽³⁾. Гарруччи ⁽⁴⁾ приводитъ одно глубоко знаменательное символическое изображеніе Агнца Божія, выгравированное на камнѣ. Предъ нами столпъ, изображающій церковь, согласно изречению апостола: *церковь есть столпъ и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). На этомъ столпѣ растетъ живая, свѣжая зелень, въ ознаменование того, что церковь есть *Церковь Бога Жизни*, что въ ней пребываетъ и действуетъ до конца вѣковъ Духъ святый (Іоан. 16, 16). Но Тотъ, Кто осново-

(¹) Aringhi, Roma subterranea I, p. 189.

(²) Didron, Iconographie chrétienne p. 337; Piper, Bilderkreis. Taf. I, n. 8.

(³) Ciampini, Vetera monumenta Romae. 1747, t. II, p. 151, tab. 49.

(⁴) Hagioglypta, p. 222.

валь церковь, Кто пребываетъ въ ней, управляетъ ею и животворитъ ее на все благое,—это—Агнецъ Божій, указуемый монограммою. Два Агнца, стоящіе при подножіи столпа съ головами, обращенными къ Агнцу Божію, изображаютъ вѣрующихъ *отъ обрѣзанія и отъ языка* (Гал. 2, 7), христіанъ изъ іудеевъ и изъ язычниковъ. Летающіе вокругъ голуби изображаютъ души праведныхъ, стремящихся достигнуть вѣчнаго озаренія.

Изображенія Агнца постепенно приближаются болѣе и болѣе къ изображенію собственно Распятаго. Гарруччи въ *Civiltà Cattolica* за 1857 г. описываетъ одинъ найденный въ катакомбахъ сердоликъ, на которомъ изображенъ подъ крестомъ — тау агнецъ, а на крестѣ голубь. Какой прекрасный символъ! Агнецъ, приносящий себя въ жертву на крестѣ и чрезъ то пріобрѣтающій человѣку вѣчный миръ! Къ началу VI в. агнецъ представляется уже лежащимъ *tanquam occisus* на олтарѣ подъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями⁽¹⁾. Несколько позднѣе агнецъ представляется стоящимъ на тронѣ подъ богато украшеннымъ крестомъ. Изъ его прободенной груди струится кровь въ подлѣ стоящей сосудъ. Изъ четырехъ ногъ его также струится кровь. Эта кровь, выходя изъ пяти язвъ, соединяется въ одинъ громадный потокъ, омывающій грѣхи всего міра: драгоценный символъ Спасителя, источившаго пречистую кровь свою изъ пяти язвъ⁽²⁾. Около половины VI в. попадаются кресты, на которыхъ фигура агнца представляется распятою на томъ самомъ мѣстѣ, на коронѣ нынѣ помѣщаются изображеніе Распятаго Спаси-

(1) Ciampini, II, tab. 46.

(2) Bosio. De cruce triumphante lib. 6, c. 12.

теля⁽¹⁾. Не много позднѣе мы встрѣчаемъ уже изображенія Самаго Распятаго или настоящія распятія. Первое такое изображеніе можно съ достовѣрностью относить къ 586 г. Но и позднѣе того времени, какъ стали изображать на крестѣ Самаго Распятаго, встрѣчаются попрежнему на ряду съ дѣйствительностью и символы,— фигуры агнца у ногъ, или надъ главою Спасителя. Еще чаще попадается фигура агнца на оборотной сторонѣ крестовъ, предназначавшихся для церковныхъ процессій, тогда какъ на лицевой сторонѣ этихъ крестовъ изображалось распятіе.

На всѣхъ изображеніяхъ агнца, служащихъ символами страждущаго и приносящаго себя въ жертву Спасителя, крестъ служить олтаремъ, агнецъ жертвою, по прекрасному выраженію Гретцера: *cruis est ara, agnus est victimam* (⁽²⁾). Павлинъ Ноланскій описываетъ цвѣтъ этихъ изображеній въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „подъ кровавымъ (имѣющимъ цвѣтъ крови) крестомъ стоитъ Спаситель, — Агнецъ въ образѣ бѣлосинѣнаго агнца, да невинная жертва принесется несправедливой смерти⁽³⁾“. Такимъ образомъ агнецъ изображался бѣлымъ, какъ символъ чистаго и невиннаго Христа, а крестъ краснымъ въ воспоминаніе изліянной на немъ крови Спасителя. Эта вторая форма креста, съ изображеніемъ агнца, переходитъ постепенно въ настоящее распятіе къ концу VI в. Что на ряду съ нею продолжалъ держаться и простой, обыкновенный крестъ съ разными украшеніями и уранствомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

(¹) Borgia, *De cruce veliterna* p. 127.

(²) *De cruce I*, p. 200.

(³) *Epist. 32.*

Наряду съ описанною нами второю формою постепенно развиваются третья форма креста, изображающая уже действительное распятие. Къ концу V. в. попадаются уже кресты, украшенные пояснымъ изображениемъ Спасителя. Извѣстный ватиканскій крестъ вверху и внизу украшены пояснымъ изображеніемъ Христа; глава окружена лучезарнымъ вѣнцомъ. Это, очевидно, была робкая попытка изобразить Распятаго. Здѣсь поношеніе крестной смерти уничтожается величавымъ выраженіемъ лика и лучезарнымъ ореоломъ. Дальнишій шагъ впередъ мы видимъ въ изображеніяхъ распятія на фляжкахъ, подъренныхъ папою Григоріемъ Великимъ королевѣ Теоделиндѣ и сохранившихся въ Монзѣ. Поверхъ креста, пробивающагося изъ цвѣтовъ, изображена окруженная сіяніемъ глава Спасителя. На право и на лѣво отъ нея видныются два разбойника *на крестахъ* и солнце и луна, какъ свидѣтели распятія. Но чтобы не слишкомъ бросалось въ глаза servile et ignominiosissimum supplicium, внизу подъ крестомъ изображено славное таинство воскресенія (¹).

Вскорѣ за тѣмъ сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ. Начали изображать, какъ это видно на древнихъ Итальянскихъ мозаикахъ, Христа стоящимъ *съ распростертыми крестообразно руками*, въ длинной одеждѣ, съ сіяніемъ вокругъ головы, но *безъ креста*. По обоимъ сторонамъ—разбойники *на крестѣ*, а также солнце и луна. Но и на этихъ изображеніяхъ подъ крестомъ представлена фактъ воскресенія: по одну сторону гроба сидитъ ангель на отваленномъ камнѣ, по другую благочестивыя жены мироносицы съ муромъ и ароматами.

(¹) Mozzoni, Tavole cronologiche. Tav. VII.

III.

Наконецъ подъ 586 годомъ мы находимъ настоящее распятіе, съ изображеніемъ Распятаго. И вслѣдъ за тѣмъ оно дѣлается до того распространеннымъ, что послѣ опредѣленія такъ называемаго пятнадцатого, или Трульскаго собора, почти совершенно вытесняетъ изображеніе агнца. Этотъ соборъ 82-мъ правиломъ своимъ опредѣлилъ: „на иѣкоторыхъ честныхъ иконахъ изображается, перстомъ предтечевымъ показуемый, агнецъ, который принять во образъ благодати, чрезъ законъ показуя намъ истиннаго агнца, Христа Бога нашего. Почитая древніе образы и сїни, преданныя церкви, какъ знаменія и преднаречанія истины, мы предпочитаемъ благодать и истину, пріемля оную, яко исполненіе закона. Сего ради, дабы и искусствомъ живописанія очамъ всѣхъ представляемо было совершенное, повелѣваемъ отынѣ образъ Агнца, вземлющаго грѣхи міра, Христа Бога нашего, на иконахъ представляти по человѣческому естеству, вмѣсто ветхаго агнца: да чрезъ то созерцая смиреніе Бога Слова, приводимся къ воспоминанію житія Его во плоти, Его страданія и спасительныя смерти, и симъ образомъ совершившагося искупленіе міра (1)“⁴. Такимъ образомъ, пятнадцатый соборъ, не вездѣ впрочемъ принятый на западѣ, хотѣлъ, чтобы на будущее время вмѣсто типическаго агнца была изображаема на крестѣ фигура Христа, пластикой, или живописью.

(1) Labbe, Concilior. collectio VI, col. 1177. По книгѣ правилъ, издѣ въ Москвѣ 1862 г. стр. 172—173.—Нер.

Если некоторые утверждаютъ, что только съ седьмого вѣка и именно вслѣдствіе вышеизложеннаго опредѣленія пятнадцатаго собора, стали появляться у христіанъ распятія, то они заблуждаются. Еще болѣе заблуждаются тѣ, которые дерзаютъ писать, будто только „съ осмого вѣка впервые начинаютъ появляться распятія“. Трульскій соборъ не вводить чего либо новаго, а только возводить въ правило уже существовавшій обычай и повелѣваетъ исполнять оное повсемѣстно. Дѣло шло здѣсь не о введеніи чего либо досель неизвѣстнаго и совершенно новаго, а объ усвоеніи преимущества одному способу изображенія пострадавшаго Искупителя предъ другимъ. А что распятія существовали и до Трульскаго собора, это доказывается не только многочисленными мѣстами древнихъ писателей, но и нѣсколькими, дошедшиими до насъ распятіями, фактически восходящими ко времени болѣе раннему, чѣмъ трульскій соборъ.

Св. Григорій Турскій († 596) пишетъ: „есть въ городе Нарбоннѣ въ старинной церкви... картина, представляющая Распятаго Господа нашего какъ бы лентицемъ препоясаннаго (¹)“. Такимъ образомъ, уже въ концѣ VI в. въ одной нарбоннской церкви существовало настоящее распятіе. Извѣстно также, что въ гробнице короля Хильперика I, скончавшагося въ концѣ VI в. найденъ небольшой бронзовый крестъ съ изображеніемъ Распятаго (²). Беда достопочтенный свидѣтельствуетъ, что въ 686 г. въ англійскій монастырь Веремутъ было привнесено распятіе изъ Рима, и что

(¹) *De gloria martyrum*. lib. I, c. 23

(²) Cochet, *Le tombeau de Chilperic*.

ва одной стороны этого распятія было изображено вознесение Мовсесомъ меднаго змія, на другой вознесение ва крестъ Сына человѣческаго (¹).

Еще болѣе сильное доказательство, чѣмъ эти разсказы, представляютъ фактически существующія распятія. Не упоминаемъ о найденной о. Гарруучи въ 1857 году карикатурѣ распятія съ осиной головой. Она не можетъ еще служить неопровергнутымъ доказательствомъ существованія въ то время дѣйствительныхъ распятій. Не хотимъ приводить въ доказательство и извѣстныхъ двухъ древнихъ распятій, изъ которыхъ одно находится въ галлереѣ degli Uffici во Флоренціи (относимое нѣкоторыми къ V в.), другое въ Санъ Мартино близъ Лукки, такъ какъ время происхожденія того и другаго неизвѣстно. Болѣе вѣрное и твердое доказательство представляетъ намъ распятіе, находящееся въ сирскомъ манускриптѣ евангелія, относящагося къ 586 году. Его родина—монастырь Загба въ Месопотаміи, а теперь онъ составляетъ одно изъ драгоценныхъ сокровищъ знаменитой библіотеки св. Лаврентія во Флоренціи. 586 й годъ ясно обозначенъ въ рукописи. Эта рукопись заключаетъ въ себѣ нѣсколько изображений изъ жизни Спасителя, и между ними на первомъ планѣ Его распятіе. Копія съ этого интереснаго распятія находится у Seroux d' Agincourt въ его „памятникахъ христіанского искусства“ (²). Почти на сто лѣтъ позднѣе его распятіе, изданное Анастасіемъ Синайской, ученымъ греческимъ монахомъ, въ его сочиненіи подъ названіемъ „Одигрії“. Въ особомъ примѣчаніи авторъ закан-

(¹) Bedae venerabil. Opera ed. Giles. t. IV, p. 376.

(²) Christliche Kunstdenkmäler von Quast. Malerei Taf. 27. № 4.

наетъ будущихъ переписчиковъ своего сочиненія, чтобы они вполнѣ точно копировали это изображеніе. Анастасій ссылается на приложенное распятіе въ доказательство того, что посайдователи Петра Фулло Антіохійскаго съ догматической точки зрѣнія исправильно поютъ: „Святый Боже, Святый Кръвій, Святый Безсмертный, распійся за ны“. Вѣриая копія съ этого распятія находится въ одной изъ рукописей Вѣнской библіотеки, и издана Лямбеціемъ въ гравюрѣ. — Слѣдующее за нимъ распятіе, восходящее ранѣе пятнадцатого собора находится въ библіотекѣ Вюрцбургскаго университета въ кодексѣ подъ № 69. Этотъ кодексъ содержитъ въ себѣ посланія св. апостола Павла на ирландскомъ языкѣ, и должно быть эта драгоценность занесена сюда изъ Ирландіи св. Киліаномъ († 689). Знатоки относятъ рукопись и рисунокъ къ началу VII в. Крестъ чернаго цвѣта съ красными пятнами. Распятый — въ одаждѣ. На поперечныхъ рогахъ креста, какъ это можно видѣть и на другихъ древнихъ распятіяхъ, сидять два голубя. Два разбойника, изображенные подлѣ, гаводятъ ужасъ своими физіономіями. Къ добромъ разбойнику поспѣшаютъ два свѣтовидныхъ ангела, между тѣмъ какъ къ отверженному прицепились два демона во образѣ жуковъ. Копія съ этого интереснаго распятія находится въ *Kunstwerke und Geräthschaften des Mittelalters* (Taf. 1. № 3). — Время происхожденія образа распятія на ракѣ св. Виллиброда († 739) не можетъ быть опредѣлено точно, и потому этотъ образъ не можетъ служить доказательствомъ.

Но и сказаннаго достаточно для подтвержденія того, еще раньше пятнадцатаго собора (692) распятіе было въ употребленіи у христіанъ. Но чтобы оно употреб-

лялось раньше VI в., этому до сихъ поръ не отыскано никакихъ слѣдовъ. Въ различныхъ усыпальницахъ „подземного Рима“, изъ которыхъ въ настоящее время по крайней мѣрѣ цѣлая третья часть известна (¹), хотя найдено много крестовъ, но ни одного распятія, которое было бы древнѣе VI в. А распятія, найденные на нѣкоторыхъ произведеніяхъ искусства вѣкъ катакомбъ, всѣ относятся ко времени болѣе позднему, чѣмъ трульскій соборъ.

Послѣ этихъ замѣчаній о первомъ появленіи распятій перейдемъ къ краткому очерку *формы* изображеній распятія.

Распятіе должно быть ни чѣмъ инымъ, какъ точнымъ изображеніемъ страждущаго Спасителя. Имъ хотѣть обыкновенно павсегда осуществить предъ благодарными взорами искупленнаго человѣчества жестокія страданія и мучительную смерть Искупителя и чрезъ то возбудить въ сердцахъ любовь къ Нему. Поэтому намъ необходимо предварительно бросить бѣглый взглядъ на крестъ Христовъ, на число гвоздей, на одѣяніе Распятаго, на спѣвѣ, на терновый вѣнецъ, на надпись на крестѣ, и на обстановку креста.

Крестъ, на которомъ умеръ Спаситель, по всей вѣроятности, былъ сухъ *immissa* или *capitata*. Навѣстно, что по обычая, существовавшему у древнихъ народовъ, продольная балка дѣлалась немнога длиннѣе по перечной, чтобы собаки и дикие звѣри не могли терзать тѣль, повѣшенныхъ на крестъ. Но что бывали и отступленія отъ этого обычая, это видно изъ свидѣ-

(¹) См. Michele de Rossi, Dell' ampiezza delle Romane catacombe.

тельствъ Светонія (¹) и Юстина (²). И древніе церковные писатели (Златоустъ, Ноннъ и др.) положительно выражаются, что Христосъ умеръ на *высокомъ* крестѣ, чрезъ что и исполнились, какъ говорятъ св. Златоустъ, слова Спасителя: егда Азъ *вознесенъ* буду на крестъ, вся привлеку къ Себѣ (³). Между тѣмъ, что крестъ Христовъ не слишкомъ былъ высокъ, это видно изъ того, что одинъ изъ воиновъ, обмочивъ губку въ уксусъ и воткнувши ее на иссоповую трость, подалъ Спасителю для питья. А иссопъ есть ничто иное, какъ полукустарникъ, похожій на душицу или маоранъ; онъ и теперь еще часто растетъ въ Іерусалимѣ въ дикомъ видѣ и достигаетъ вышину двухъ и—рѣдко—трехъ футовъ. Такимъ образомъ очевидно, что крестъ Христовъ не могъ быть выше того, чтобы человѣкъ протянутой рукой, вооруженной тростью въ два фута, могъ достать до вершины. Авторъ трагедіи „Страждущій Христосъ“, которую несправедливо приписывали св. Григорію Назіанzenу, говоритъ, что крестъ Христовъ былъ на столько высокъ, что Пречистая Дѣва могла лобызать Его ноги своими пречистыми устами (⁴). Съ нимъ соглашается и Киппингъ, который утверждаетъ, что крестъ Христовъ возвышался надъ землею почти на два обыкновенныхъ мужскихъ роста (⁵).

Что Христосъ былъ пригвожденъ ко кресту, это не сомнѣнно. Это прежде всего вытекаетъ изъ повѣствованія Иоанна (20, 25 и 27:) и рече имъ (Ѳома): *аще*

(¹) Galba. c. 9.

(²) Histor. lib. 18, c. 7,

(³) Homil. V, in c. I. Epist. 1 ad Corinth.

(⁴) Per hos tuos sacros pedes, quos oscular materno amore.

(⁵) Kippingius, de cruce p. 160.

не вижу на руку ею язвы гвоздинныя, и вложу перстамою въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра ею, не иму въры. Правда, у египтянъ очень часто привязывали только ко кресту преступниковъ, осужденныхъ на голодную смерть, но у римлянъ не было такого обыкновенія. По этому народное представлениe, будто разбойники, распятые вмѣстѣ съ Господомъ, были просто привязаны къ своимъ крестамъ, не справедливо. Блаженный Августинъ положительно говоритъ, что и разбойники были пригвождены (¹). И св. Аѳанасій пишеть: „что говоришь ты, разбойникъ? Или не знаешь, что ты терпишь? Развѣ забылъ о гвоздяхъ?“ Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно и то, что тѣла распятыхъ были прикрепляемы ко кресту также и веревками, чтобы помочь гвоздямъ поддерживать ихъ въ неподвижномъ положеніи и помѣшать разрыву въ рукахъ.

Часто высказываютъ мнѣніе, что будто бы при распятіи пригвождались ко кресту однѣ только руки, а ноги просто привязывались веревками. Чтобы оправдать это мнѣніе докторъ Павлюсь въ текущемъ столѣтіи предпринялъ громадный трудъ. Причину своей ревности докторъ Павлюсь объяснилъ намъ самъ въ слѣдующихъ словахъ: „иначе какимъ бы образомъ Христосъ, провисѣвши на крестѣ 36—48 часовъ, могъ держаться на ногахъ и переходить съ места на место (²)?“ Конечно и веревки употреблялись для укрѣпленія ногъ, чтобы потомъ легче было ихъ пригвождать. Св. Иларій, жившій довольно близко ко временамъ, когда была въ употребленіи казнь чрезъ распятіе, го-

(¹) Tractat. 37, in Iob. Clavis infixi diu etueabantur.

(²) Exeget. Handbuch zu Matth. S. 672.

воря о пригвождениі ногъ, упоминастъ и о веревкахъ и о гвоздахъ⁽¹⁾. Онъ же въ своемъ толкованіи на 143 псаломъ говоритъ, что руки и ноги были пригвождены. Плавтъ⁽²⁾ также говоритъ о пригвождениі рукъ и ногъ. Наконецъ Спаситель, желая убѣдить учениковъ, шедшихъ въ Еммаусъ, въ томъ, что это Онъ Самъ Распятый воскресъ, указываетъ имъ на язвы отъ гвоздей на рукахъ и на ногахъ: *видите руцъ Мои и нозъ Мои, яко самъ азъ есть* (Лук. 24, 39).

По—сколькими гвоздями были пригвождены ноги Спасителя? Почти всѣ древніе оо. церкви говорять о четырехъ гвоздяхъ,—о двухъ для рукъ и о двухъ для ногъ. Такъ св. Кириллъ (+258), самъ видавшій факты распятій, говоритъ, что святыя ноги были прободены гвоздями (во множеств. числѣ)⁽³⁾. И Григорій Турскій пишетъ совершенно ясно, что двумя гвоздями были пригвождены руки и *двумя ноги*⁽⁴⁾. А такъ какъ древніе церковные писатели, когда ведутъ рѣчь о числѣ гвоздей, упоминаютъ о *четырехъ*, то мы и должны принять, что ноги Спасителя на крестъ были положены одна подлѣ другой и въ такомъ положеніи были прикрѣплены гвоздями. Эти изреченія древнихъ подтверждаются и дошедшиими до насъ древними изображеніями распятія, на которыхъ ноги Распятаго Спасителя представлены положенными одна подлѣ другой.

Акту распинанія предшествовало снятіе одежды (Лук. 15, 24). Такимъ образомъ согласно обычая древнихъ,

(1) *Fusum vibula. De Trinit. I. x. c. 13.*

(2) *Mostell. II. 1, 12.*

(3) *Clavis sanctos pedes penetrans.*

(4) *Clavorum dominieorum quoque quatuor fuerint, haec est ratio: duo sunt affixi in paluis et duo in plantis.*

Спаситель былъ распятъ безъ одежды. Но значить ли это однокожъ, что Онъ распятъ былъ совершенно нагимъ? Нѣтъ. Если чѣкоторые оо. церкви, какъ напрм. Амросій ⁽¹⁾, Аѳанасій ⁽²⁾, Августинъ ⁽³⁾ представляютъ распятаго Спасителя совершенно нагимъ, то не столько на историческихъ, сколько на мистическихъ основаніяхъ: Въ этомъ случаѣ они сопоставляютъ Христа, какъ втораго Адама, съ первымъ Адамомъ. Какъ первый Адамъ пагъ вышелъ изъ рукъ Создателя, такъ послѣдній Адамъ-Христосъ пагъ вышелъ изъ жизни.— Да же, если мы на своеемъ языке называемъ нагимъ человѣка, кое-какъ прикрывшаго свою наготу, то еще легче мирилось это название съ воззрѣніями древнихъ. Греки наприм. называли нагимъ (*γυμνός*) того, кто былъ легко и бѣдно одѣтъ, т. е. въ противоположность одѣтому обыкновеннымъ образомъ ⁽⁴⁾. Равнымъ образомъ Виргилій находитъ неприличнымъ земледѣльцу пахать и сѣять безъ одежды и однокожъ говоритъ, что онъ можетъ дѣлать это нагимъ ⁽⁵⁾. Наконецъ во всякомъ случаѣ св. апостолъ Петръ былъ не вовсе же безъ одежды во время извѣстнаго богатаго улова рыбъ во воскресеніи Христовомъ: и между тѣмъ въ евангеліи вотъ что обѣ немъ говорится: *Симонъ же Петъ, слышавъ, яко Господь есть, епендитомъ* (верхняя одежда) *препоясаясь, бѣ бо наизъ* (*γυμνός*): *и ввержеся въ море* (Іоан. 21, 7).

Собразно съ этимъ словоизрѣженіемъ древнихъ можно

(¹) In Lucam. X. 110.

(²) Sermo de cruce et passione, n. 20.

(³) De civil. Del lib. 16, c. 2.

(⁴) Св. Еурипидес Rhesus ed. Matthiae v. 703 sq.

(⁵) Nudus arat, sere nudus. Georgie. ed. Ladewig. lib. I, v. 299.

смѣло называть совершенно нагимъ распятаго, если прикрыты только его чресла. Въ такомъ смыслѣ раздѣтымъ, или, если угодно, нагимъ былъ и умирающій Спаситель, имѣя только повязку на чреслахъ. Въ самомъ дѣлѣ мы были бы совершенно не справедливы къ римлянамъ, если бы предположили, опираясь на одно только отсутствіе положительныхъ свидѣтельствъ объ употребленіи чресленной повязки при распятіи, что ихъ безстыдство доходило до совершенного разоблаченія распятыхъ. Даже ихъ атлеты, по словамъ бл. Августина (¹), нагими выходившіе на арену, носили на чреслахъ повязку. То же было и при многихъ другихъ случаяхъ. Такъ наприм. на недавно открытой въ Геркуланумѣ картины представлянъ школьникъ, подвергаемый тѣлесному наказанію по голому тѣлу; но съ повязкою на чреслахъ (²). Послѣ всего сказанного представляется невѣроятнымъ, чтобы у римлянъ при распинаніи не употреблялись повязки по чресламъ. Особенно невѣроятнымъ представляется это въ іудейской привинціи. Іудеи болѣе, чѣмъ всѣ другіе народы древности, обязывались своей религіей соблюдать требованія нравственности и приличій. И потому въ высшей степени вѣроятно, что Іисусъ Христосъ былъ распинать съ повязкою на чреслахъ. Эта вѣроятность восходитъ на степень достовѣрности, если мы примемъ въ соображеніе слѣдующее обстоятельство. За Спасителемъ слѣдовали многія женичины и иѣкоторыя изъ нихъ не оставляли Его до самой смерти. И потому если никто не подумалъ о прикрытии Спасителя; то конечно не пре-

(¹) *De civit. Dei lib. 14, c. 17.*

(²) *Cp. Rich., Illustrirtes Wörterbuch der römischen Alterthümer, übersetzt v. Müller. S. 368.*

минули бы позаботиться объ этомъ эти благочестивыя женщины и особенно Его Пречистая Матерь. Наконецъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ хотя и апокрифическое, но относительно сообщаемыхъ имъ свѣдѣній во многихъ отношеніяхъ достовѣрное евангеліе Иоаннаго (гл. 10), — здѣсь прямо сказано, что воины, снявши одежды Спасителя, препоясали Его по чресламъ львинымъ покровомъ.

Наше мнѣніе подтверждается и распятіями всѣхъ вѣковъ. На всѣхъ ихъ безъ исключенія Спаситель представляется болѣе или менѣе прикрытымъ.

Если Бартолинъ ⁽¹⁾ утверждаетъ, что человѣкъ, пригвожденный ко кресту за обѣ руки, можетъ держаться на немъ безъ всякихъ другихъ закрѣпъ, не подвергаясь опасности упасть вслѣдствіе разрыва въ рукахъ, и если вслѣдъ за нимъ Казметъ ⁽²⁾ находитъ возможнымъ утверждать, что распятый могъ бы держаться на крестѣ, если бы даже пригвожденъ былъ за одну руку; то мы не видимъ причины отвергать эти мнѣнія, пока дѣло идетъ о живомъ человѣкѣ. Но такъ какъ тѣла распятыхъ должны были оставаться на крестѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не расгрзаютъ собаки и хищныя птицы ⁽³⁾; то вслѣдствіе разложения паденіе ихъ было бы не избѣжно, если бы не были приняты своевременно другія мѣры для ихъ укрѣпленія на крестѣ, кромѣ пригвожденія. Такими средствами были веревки, подложныя скамейки и сидѣнья. Что тѣло и ноги распятыхъ привязывались ко кресту веревками, объ этомъ

⁽¹⁾ De cruce, c. I.

⁽²⁾ D'eton, s. v. Clavus.

⁽³⁾ Св. Апост. Ев. VI. Plautas, Miles glorios. 11. 4, 9, Horat. Epist. ed. Krüger 1. 16, 48.

мы уже упоминали. Но такъ какъ обычай относительно распятія въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена были различны; то кромъ веревокъ употреблялись также и подножныя подставки для поддержанія тѣла. Подтверждениемъ служить между прочимъ вышеупомянутая нами карикатура на распятіе. Ноги карикатурного изображенія съ ослиной головой поставлены на *suppedaneum* (подножіе, или подножная скамейка): явно, что карикатуристу былъ извѣстенъ этотъ способъ укрѣпленія тѣла на крестѣ. Но чаще всего употреблялось для этой цѣли сидѣніе, помѣщавшееся на срединѣ креста. На это сидѣніе могли опираться, или садиться верхомъ распятые. Отсюда выраженія *in cruce sedere* (сидѣть на крестѣ), *in cruce vehi*, *in cruce inequitare* (сидѣть верхомъ на крестѣ) *in cruce requiescere* (покоиться, отдыхать на крестѣ). Это сидѣніе (*πάγκα, sedile*) имѣло форму выдавшагося впередъ рога. Существование его подтверждается самыми ясными свидѣтельствами отцевъ и писателей древности, и между прочимъ свидѣтельствами св. Иустина мученика († 163⁽¹⁾) и св. Иринея († 202) (2).

Спаситель призналъ Себя царемъ—хотя и не отъ міра сего; и вотъ воины издѣваются надъ его царскими достоинствами. Они сплетаютъ вѣнокъ изъ тернія и возлагаютъ на главу Его вместо короны. Цари земные носятъ вѣнцы золотые, а царь небесный носятъ вѣ-

(1) *Quod in medio impactum est lignum ipsum instar cornu (ως κέρας) eminet, in quo vehantur, qui erucis supplicium subeunt.* Dialog. cum Tryphon. c. 91.

(2) *Et ipse habitus crucis fines et summitates habet quinque, duos in longitudine et duos in latitudine et unum in medio, in quo requiescit qui clavis affigitur.* Adv. haeres. I. II, c. 42.

венъ терновый. Многіе новѣйшіе археологи думаютъ, что терновый вѣнецъ Спасителя сдѣланъ былъ изъ *Lycium spinosum* — шиповника, растущаго и теперь около Іерусалима въ большомъ количествѣ. Трудно решить, съ терновымъ ли вѣнцомъ, или безъ него, распятъ былъ Спаситель. Тертуліанъ ⁽¹⁾ и Оригенъ ⁽²⁾ отвѣчаютъ утвердительно. И если Кальметъ ⁽³⁾ ихъ мнѣніе признаетъ неосновательнымъ, то противное мнѣніе, имъ принимаемое, можетъ похвалиться еще меньшей основательностью.

По римскому обычаю преступленіе распятаго писалось въ краткихъ словахъ на доскѣ, и доска прикрѣплялась ко кресту. Сообразно съ этимъ обычаемъ Пилатъ приказалъ написать на доскѣ, что Распятый есть Іисусъ Назарянинъ, царь (мнімый) іудейскій! Эта доска была прикрѣплена ко кресту. По сказанію евангелистовъ надпись была сдѣлана на трехъ языкахъ—латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ (Лук. 23, 38), для того чтобы всѣ мимоходящіе могли читать ее. Нѣкоторые компетентные богословы ⁽⁴⁾ высказываютъ догадку, что у Евангелиста Марка записана латинская надпись, у Луки греческая, у Иоанна еврейская. И действительно надпись, записанная Маркомъ: ἦ ἦσται τὸς Ιασοῦς (царь іудейскій 15, 26), по своей краткости совершенно соответствуетъ характеру римскихъ надписей. Надпись у Луки: Οὗτος ἐστιν ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων (сей есть царь іудейскій 23, 38) соответствуетъ греческому обороту рѣчи. Наконецъ надпись у Иоанна: Ἰησοῦς ἐστιν Ναζarenus.

(1) *Advers. Iudaeos* c. 13.

(2) *Comment. in Matth. ed. Lommatzsch.* V. 40.

(3) *Comment ad Matth.* 37, 35.

(4) См. Langen, *Die letzten Lebenstage Jesu.* S. 323—325.

ραίσες ἐβασιλεύει τὸν Ἰαώναν (Иисусъ Назарей царь іудейскій 19, 19) соотвѣтственно еврейскому обычю и слово-выраженію, упоминаетъ на ряду съ именемъ и о про-исхожденіи распятаго.

Окончивши распятіе, воины остались стеречь Распятаго въ количествѣ четырехъ человѣкъ (Лук. 23, 24); таковъ былъ обыкновенный составъ римской стражи. Сражники имѣли право на одежду распятаго. По этому они и бросили жребій, что кому достанется (Марк. 15, 24). Во все это время, не смотря на ядовитыя насмѣшки, большою частію падавшія на распятаго Спасителя, стояли у подножія креста Его Пречистая Матерь съ Іоанномъ и другими благочестивыми женщинами. Подлѣ креста на самомъ близкомъ разстояніи отъ Спасителя стояли, по довольно распространенному представлению, только св. Дѣва Марія и Іоанъ; а остальные женщины находились на небольшомъ разстояніи. Вмѣстѣ съ Спасителемъ были распяты два злодѣя, одинъ по правую, другой по лѣвую Его сторону. Распятіе служило казнью для тяжкихъ и въ тоже время низкихъ преступниковъ, особенно для рабовъ, грабителей, бунтовщиковъ, разбойниковъ. Одинъ изъ со-распятыхъ вторилъ ругательствамъ фарисеевъ; но другой упрекалъ его за его хульные рѣчи (Лук. 23, 39 и д.). За это Спаситель далъ ему утѣшительное обѣтованіе: *днесъ со мною будешъ въ раи.* Вообще принято, что покаявшійся разбойникъ находился по правую сторону Спасителя, поелику, согласно слову Самаго Господа (Мате. 25, 33, 34), мѣсто избранныхъ по правую сторону. Martyrolog. Rotan. упоминаетъ о покаявшемся разбойнику подъ 25 числомъ Марта, не называя его однакожъ по имени.

Въ евангеліи Никодима (гл. 10) покаявшійся разбойникъ названъ Дисмасъ, не раскаянныи Гесмасъ.

Послѣ трехчасового пребыванія Спасителя на крестѣ началась смертная агонія, означененная необыкновеннымъ затмѣніемъ. Что это солнечное затмѣніе действительно было необыкновеннымъ, это очевидно. Солнечное затмѣніе во время полнолуния, на которое постоянно падала пасха, при обыкновенныхъ условіяхъ быть не можетъ. Что это былъ перстъ Божій, это доказывается тѣмъ, что это необыкновенное знаменіе природы началось съ началомъ смертной агоніи Спасителя и кончилось съ концомъ Его жизни.

Согласно съ медицинскими наблюденіями, одно изъ самыхъ жестокихъ страданій распятаго составляетъ жажда, доведенная до послѣдней степени (¹). Такая палиющая жажда мучила и Спасителя. И вотъ Онъ воззвалъ: *жажду!* На это воззваніе прибѣжалъ нѣкто (вѣроятно, одинъ изъ воиновъ), наполнилъ губку уксусомъ (по гречески *хоз*, отсюда славян. оцетъ), который воины взяли съ собой для собственного употребленія, воткнуль эту губку на иссоповую трость и поднесъ къ устамъ Спасителя.

Около трехъ часовъ по полудни послѣдовала смерть Спасителя. Чрезъ нѣсколько часовъ должны были наступить покой и торжество Субботы. Вслѣдствіе этого іудеи, по словамъ евангелиста (Іоан. 19, 31), пожелали удалить прочь распятыхъ. Относительно двухъ еще живыхъ преступниковъ принуждены были употребить *cisfragium*, т. е. раздробить имъ голени. Но Іисусъ уже

(¹) См. Wiseman, *Zusammenhang zwischen Wissenschaft und Offenbarung*. S. 243.

умеръ и потому нашли излишнимъ раздроблять Ему головы. Вмѣсто того одинъ изъ воиновъ, желая удостовѣриться въ дѣйствительности Его смерти, вонзилъ острѣе копья въ бокъ Спасителя и вдругъ потекла кровь и вода (Иоан. 19, 33). Римскій Мартиологъ (подъ 15 Марта) называетъ этого воина Лонгиномъ.

Который бокъ былъ прободенъ копьемъ, евангелистъ не говоритъ. Древнѣйшія сказанія указываютъ не лѣвый, а правый. Это показаніе, сохранившееся въ зеопскомъ переводе апокрифическихъ Евангелій о дѣятельности Иисуса Христа и Никодима, признается справедливымъ почти всѣми богословами. Нѣкоторые впрочемъ думаютъ, что ударъ былъ такъ силенъ, что проникъ до самаго сердца (¹).

Всѣ эти подробности археологии страданій были принимаемы въ соображеніе при изображеніяхъ распятія.

(Окончаніе будетъ).

(¹) См. Strond, A treatise on the physical cause of the death of Christ. p. 397.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки